

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 550–555
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 550–555
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-550-555>, EDN: WUWKXA

Научная статья
УДК 322(470.43)|19|

Религиозные практики духовенства в дискурсе реализации антирелигиозной политики в середине 1920-х гг. (на материалах Самарской губернии)

П. С. Кабытов[✉], А. В. Протасова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российской истории, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2125>, Author ID: 591236

Протасова Алина Владимировна, аспирант кафедры Российской истории, intelegentna@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4733-0301>, Author ID: 1107097

Аннотация. Процесс конструирования советского общества затронул все сферы общественной жизни, формируя особую модель взаимодействия народа и власти. В настоящей статье осуществлена реконструкция повседневных практик представителей религиозных организаций Самарской губернии, которые использовали всевозможные способы противодействия реализации проводимой властями структурам антирелигиозной политики. На основе анализа докладов и информационных сводок ОГПУ рассмотрены различные практики, применяемые священнослужителями различных конфессий против проводимой антирелигиозной политики советской власти, с тем чтобы остановить процесс разрушения религиозного мировоззрения у населения и консолидировать своих сторонников. Эти практики стали одним из необходимых средств к сохранению религиозной целостности и дали возможность религиозным конфессиям вступить в борьбу с партийным руководством за сохранение традиционного сознания формирующегося советского общества.

Ключевые слова: повседневные практики, религиозность, власть, духовенство, священнослужители, религия, Самарская губерния

Для цитирования: Кабытов П. С., Протасова А. В. Религиозные практики духовенства в дискурсе реализации антирелигиозной политики в середине 1920-х гг. (на материалах Самарской губернии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 550–555. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-550-555>, EDN: WUWKXA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Religious practices of the clergy in the discourse of the implementation of anti-religious policy in the mid-1920s (based on the materials of the Samara Province)

P. S. Kabytov[✉], A. V. Protasova

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Piotr S. Kabytov, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2125>, Author ID: 591236

Alina V. Protasova, intelegentna@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4733-0301>, Author ID: 1107097

Abstract. This article is motivated to study the process of constructing Soviet society and reconstructing the everyday practices of representatives of religious organizations of the Samara province, who used various ways to counteract the implementation of anti-religious policy pursued by the authorities. The results of the study illustrate various practices used by representatives of various faiths against the anti-religious policy of the Soviet government in order to stop the process of destruction of the religious worldview of the population and consolidate their supporters. These practices became one of the necessary means of preserving religious integrity and allowed religious denominations to join the struggle with the party leadership for the preservation of the traditional consciousness of the emerging Soviet society.

Keywords: everyday practices, religiosity, power, clergy, religion, Samara province

For citation: Kabytov P. S., Protasova A. V. Religious practices of the clergy in the discourse of the implementation of anti-religious policy in the mid-1920s (based on the materials of the Samara Province). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 550–555 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-550-555>, EDN: WUWKXA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

В различные периоды истории нашего государства духовенство всех конфессий оказывало огромное влияние на своих прихожан, транслируя в их сознание религиозные нормы, сопровождая повседневный быт верующих и уделяя большое внимание духовному воспитанию каждого члена общества. Несомненно, любой священник обладал социальными практиками, которые он исполнял для того, чтобы «защитить» свою паству от неожиданных событий, природных катаклизмов и прочих нежелательных явлений, прибегая к молитвам, проповедям и освещению домов. Безусловно, велики роль и значимость духовенства в совершении ритуальных повседневных обрядов, сопровождающих жизненный путь любого человека от рождения, вступления в брак, рождения детей и до смерти. Все эти обряды священнослужители различных конфессий выполняли на законных основаниях на протяжении многовековой русской истории. Однако в начале XX в. в эту устойчивую церковную жизнь были внесены существенные коррективы. С приходом к власти большевиков и принятием ряда декретов советской власти религия перестала занимать доминирующее положение в российском обществе. Советская власть стала видеть в церкви потенциального противника, что сказалось и на ее представителях – священниках, муллах и т. д.

Цель настоящей статьи – изучить повседневные практики представителей духовенства и показать их роль в сохранении уровня религиозности населения региона. В этой связи обращается внимание на исследование распространения среди верующих убеждений в реальности того или иного «чуда», способствующих сохранению у крестьян религиозного сознания. Большое внимание уделяется анализу форм противодействия священнослужителей и крестьян реализации антирелигиозной политики власти.

Исследование обозначенной проблемы базируется на новейшей историографии. В связи с изменением историографической ситуации в Российской Федерации появилось большое количество научных трудов, в которых рассматривается начальный этап формирования нового облика советского человека. На основе современного исследовательского инструментария изучаются проблемы власти и общества. Более глубоко рассматривается антирелигиозная работа различных властных структур по отношению к верующему населению. В трудах М. Н. Одинцова [1], С. Л. Фирсова [2] анализируются как ключевые проблемы взаимоотношений власти и религии, так и локальные вопросы вскрытия мощей святых, участие комсомола в антирелигиозной работе и т. д. В ходе научных разработок истории стали формировать совершенно иное видение религиозно-государственных отношений.

К числу новейших исследований следует отнести книгу В. Смолкин, в которой прослежен весь путь становления атеизма в СССР [3]

и реконструируется процесс становления атеизма в качестве официальной идеологии советского общества. Уделено внимание изучению повседневных религиозных практик в обществе. Были опубликованы научные труды, в которых исследуется история ислама в дискурсе религиозной трансформации. Так, в коллективной монографии под редакцией Р. И. Беккина [4] рассматривается дискурс о традиционном исламе в среде тюрок-мусульман европейской части России и Крыма.

Анализ взаимоотношений властных структур и советского общества, несомненно, предусматривает изучение деятельности центральных органов власти, в ведении которых осуществлялась реализация религиозной политики. Опираясь на программные положения коммунистической партии, Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) разрабатывал и принимал законодательные акты, инструкции и циркуляры, которые должны были исполняться местными властями. Он принимал законодательные и нормативные акты по таким вопросам, как регистрация и снятие с регистрации обществ и групп, закрытие и дальнейшее использование молитвенных зданий и культового имущества. Народному комиссариату внутренних дел (НКВД) вменялось вести общий надзор за деятельностью религиозных организаций, их регистрацию и учет, осуществлять контроль за исполнением декрета об отделении церкви от государства, принимать решения о проведении съездов, пресекать нарушения представителями духовенства законодательства о религиозных культах. На Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) возлагались функции контроля за деятельностью духовенства и органов церковного управления. Отметим, что в 1924–1927 гг. наблюдалось примерное равновесие функциональных обязанностей между этими организациями, одинаковой была и степень их ответственности за реализацию церковной политики [1, с. 29]. Однако именно материалы ОГПУ содержат ценнейшую историческую информацию о взаимоотношениях власти и церковных организаций, а потому при их реконструкции мы опирались на доклады и информационные сводки Самарского губернского отдела ОГПУ за 1923–1927 гг., которые имеются в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории.

Курс на проведение в стране антирелигиозной пропаганды был принят на XII съезде РКП (б). Его решение от 25 апреля 1923 г. «О постановке антирелигиозной пропаганды» [5, с. 61–63] содержало основные направления религиозной политики советского государства и коммунистической партии. Суть ее сводилась к тому, чтобы максимально удалить религию из общественной жизни. В социальную практику органов власти разных уровней внедрялись формы и методы работы с религиозными организациями и представителями духовенства, атеистические идеологемы. В этой

связи религиозные организации, находясь под жестким контролем со стороны власти, стремились выстоять в новых политических условиях, а потому они уходили в подполье. Вместе с тем отдельные священнослужители в деревнях селах и городах советской России продолжали выполнять свои духовные функции, призывали верующих сохранять традиции, отвергать новшества и тем самым оказывали огромное влияние на население. Информационные сводки пестрили сообщениями такого рода, что свидетельствует как о массовости данного явления, так и о страхе большевиков перед священнослужителями – «народными миссионерами».

Большой блок информационных сводок сохранил сведения об отдельных выступлениях священников, которые они озвучивали в проповедях и нравоучениях. В информационной сводке № 12 с 22 по 30 апреля 1924 г. сообщалось, что священники Троцкого района Пугачевского уезда в с. Васильевка, Владимировка, Преображенка и Мордовские Липяги при всяком удобном случае стремились указать крестьянам на «безбожность» советской власти. При этом они подчеркивали, что «существующая власть ведет к гибели как духовно, так и материально» [6, л. 42]. Отмечалось также, что крестьяне с. Дмитриевка Пугачевского уезда верят каждому слову священника, который, пользуясь их доверием, на общем собрании «иногда выступал с громкими речами против Волостного исполнительного комитета (ВИКа) и стремился выгнать его представителей из помещения, которое предполагалось отдать под религиозную школу» [6, л. 55]. В Инфосводке № 29 с 13 по 20 мая 1924 г. сообщалось, что в Бузулукском уезде миссионерской деятельностью занимались монашки, которые в селах и деревнях вели религиозную пропаганду [6, л. 115 об.].

Информационные сводки содержали сведения и о случаях поминания царской семьи и прочих представителей дореволюционной аристократии. Власти подчеркивали, что эти действия священников имеют антисоветскую направленность. Инфосводка № 4 с 22 по 31 января 1925 г. сообщала о поминании священником Смирновым во время церковной службы императора Николая с семьей [7, л. 18]. Священник с. Б. Исакла Березовской волости Пугачевского уезда Смирнов во время богослужения стал помянуть о здравии царя Николая II, родоначальников, градоначальников и пр. Кроме того, он же в своем приходе разрешил постороннему человеку гр. Бананову выступить с проповедью, в которой содержался призыв к родителям не пускать своих детей в школы, народные дома и клубы. В расследовании этого случая принял участие уездный уполномоченный ГО ОГПУ по Пугачевскому уезду, который опросил крестьян. Смирнов был арестован и привлечен к ответственности по ст. 73 Уголовного кодекса (Инфосводка № 17 с 8 по 16 мая 1925 г.) [9, л. 13].

Некоторые речи и высказывания представителей духовенства носили явно выраженный антисоветский характер. В Инфосводке № 20 с 25 по 31 мая 1926 г. сообщалось о том, что священник с. Ст. Ибряйкино Аверкинской волости с амвона призывал «“православных” верить в бога, говоря, что “Бог есть”» [8, л. 9]. Также он открыто противопоставлял верующих, т. е. хороших людей, против коммунистов – хулиганов: «... Вот, например, солнышко сотворено Богом, есть неверующие, которые говорят, что «бога нет», это не люди, а хулиганы, верующий человек никогда не хулиганит и плохого не делает, боится бога и греха...» [8, л. 9]. Священник под хулиганами подразумевал коммунистов. ОГПУ сообщало, что такие речи священник произносил не впервые. Его сын – псаломщик в этом же селе, также недоброжелательно относился к коммунистам и говорил: «Нам не нужен Ленин...» [8, л. 9].

Священник с. Бурдыгино Сухоринской волости Бузулукского уезда был неоднократно замечен в агитации против компартии и ее членов. Во время богослужения он выступил с проповедью, в которой произнес: «Православные не попадайте под влияние коммунистов и не слушайте их, ибо они последователи евреев, идут против бога, а также не ходите в Нардом, где витает “дух сатаны” и не пускайте туда своих детей...» (Инфосводка № 21 с 8 по 18 июня 1926 г.) [8, л. 16]. Под влиянием агитации священника 1 мая крестьяне принимали в демонстрации весьма слабое участие.

Священник с. Верхне-Санчелеево Сангелевской волости Самарского уезда П. К. Потрясенский в проповедях призывал граждан не отдавать своих детей в комсомол и не пускать их в Народный дом смотреть спектакли, так как «весь комсомол – шайка хулиганов, если у кого и имеются дети комсомольцы, то их надо взять обратно...» [7, л. 95]. Под влиянием этой проповеди родители заставляли детей уходить из комсомольской организации. Подобной агитацией среди населения занимался и попечитель церковного совета гр. Полозов (Инфосводка № 9 с 8 по 15 марта 1925 г.) [7, л. 95].

Под контролем ОГПУ находилась деятельность и других религиозных организаций. Ислам – вторая по численности сторонников религия в России – также активно пыталась оградить своих приверженцев от «безбожия». Следует констатировать идентичность форм борьбы против безбожия как среди православных, так и среди мусульман. Например, мухтасиб г. Мелекесса гр. Губайдуллин 15 марта 1925 г. созвал собрание крестьянок в д. Теплый-стан Елховской волости, на котором агитировал открыть религиозные школы. Он призывал крестьян принять участие «... в борьбе за религию, кто против Корана, тот против представителей культа вообще... крепко стоять за религию с оружием, борясь с неверующими...» [7, л. 96]. На собрании присутствовало около

400 гражданок. Затем Губайдуллин в этой же деревне созывал собрания женщин-магометанок.

В с. Андреевка Мелекесского уезда мулла Сафендинов Шакир осуждал «мусульманское учительство, которое ... продает религию Ислама соввласти за какие-то 12 рублей. Соввласть накладывает непосильные налоги на верующих граждан за содержание муллов, мечетей и т. п., чего при старом режиме не было» [9, л. 8]. В информационной сводке отмечалось, что каждую неделю по четвергам Сафендинов собирал в мечети женщин и внушал им, что на этом свете не нужно трудиться, а думать надо о небесных благах. Брат Сафендинова – также мулла в д. Уразгельдино, как и его брат, также агитировал население против советской власти. Кроме того, он приехал в д. Лобатовку, где призывал «мусульман принять религиозные клятвы об отдаче всех своих сил на борьбу за религию ислама и против всех, кто не верует» (Инфосводка № 17 с 8 по 16 мая 1925 г.) [9, л. 8].

В другой сводке № 18 с 16 по 23 мая 1925 г. содержалась информация о негативном влиянии советских школ на мусульманских детей. Так, в д. Бакаево Сок-Кармалинской волости Бугурус-ланского уезда муллы Хабибуллин Шамгардин и Абдрахманов Абдул в мечети и у себя на дому собирали крестьян и призывали их не отдавать детей учиться в советские школы, мотивируя это тем, что там дети портятся нравственно и делаются безбожниками. Муллы агитировали крестьян не «выбирать в советы коммунистов и демобилизованных красноармейцев, ибо они отступили от религии» [9, л. 8].

Агитация среди населения проводилась муллами и во время праздника «Сабантуй». Так, в д. Сантимир Малыклинской волости Мелекесского уезда 22 мая во время праздника после доклада инструктора Укома РКП (б) на тему о религии выступил мулла из д. Тюгальбуга Мафтахутдинов, который после нескольких слов о религии Ислама призвал присутствующих вести открытую борьбу против коммунистов и совслужащих, которые «бросают в религиозное духовенство грязью». В том же духе Мафтахутдинов агитировал и в мечети, что порождало отрицательное отношение крестьян к существующему строю (Инфосводка № 21 с 8 по 16 июня 1925 г.) [9, л. 56 об.].

В сообщениях инфосводок содержались сведения о выступлениях и действиях отдельных граждан, которые носили антисоветский характер. В инфосводке № 6 с 7 по 22 февраля 1925 г. зафиксировано эмоциональное состояние кладовщицы эпидемического госпиталя Хохловой, которая выкрикивала: «...Скоро я отмучаюсь от проклятых коммунистов...» [7, л. 45]. Другая сотрудница госпиталя кастелянша Сухова при всяком удобном случае старалась очернить советскую власть. Будучи женой попа, она вела беседы среди рабочих о религии, что отрицательно влияло на служащих.

В с. Большая Сакля Пугачевского уезда с разрешения попа Смирнова один гражданин призывал население, чтобы «все малые и старые ходили в церковь, и чтобы родители не пускали своих детей в избу-читальню и в народом, а посылали их в храм» [7, л. 45].

На частной мельнице Буреш и Ко в Самаре один из служащих, бывший член ВКП (б), вместе со своим помощником вел антисоветскую агитацию среди рабочих, особенно молодежи. Под его влиянием два комсомольца вышли из комсомола. Он говорил: «Скоро соберётся вселенский собор, на котором будут представители всех вероисповеданий, которые будут представлять из себя «священную лигу наций», на этом соборе будет решаться вопрос о Советской России, на котором постановят, чтобы Соввласть разрешила свободно распространять священное писание и вообще, чтобы не было гонения на христианскую церковь если Соввласть на это не согласится, то ей объявят войну все державы...» (Инфосводка № 26 с 19 по 27 июля 1926 г.) [8, л. 72].

Имело место и косвенное влияние священнослужителей на население. Представляет интерес случай, описываемый в инфосводке № 5 с 1 по 7 февраля 1925 г. В с. Филипповка Утевской волости в 1924 г. был организован политический кружок, который вел борьбу с местным попом Павловым за Народный дом. В конечном счете поп был выселен, и дом был отдан избечитальне. Тогда поп посоветовал молодому парню Прокофьеву стать селькором. После получения заветной должности Прокофьев под руководством попа начал вести работу, направленную на срыв деятельности избы-читальни. Когда же его попытались приструнить, то тот заявил, что в случае притеснения со стороны администрации он будет расценивать этот факт как покушение на должностное лицо [7, л. 25 об.].

Степень влияния священнослужителей на простых граждан было трудно переоценить. Повседневные религиозные обряды, которые выполнял каждый конкретный священник в начальный период распространения антирелигиозной пропаганды, еще не могли вытеснить новые советские ритуалы. Когда верующий человек вступал в полемику со священником, то он мог стать «изгоем» среди пока еще религиозного общества. Например, показателен случай, зафиксированный в Инфосводке № 18 с 16 по 23 мая 1925 г. Священник с. Баклановка Бузулукского уезда при обходе верующих граждан по домам с молебном на пасху увидел у гр. Миленьева в доме около иконы карикатуру на попов, опубликованную журналом «Безбожник». Рядом с ней находился портрет В. И. Ленина. Священник возмутился, сорвал портреты и бросил на пол. Затем он спросил Миленьева: «Ты разве коммунист? Если еще раз узнаю об этом, то к вам больше ходить не стану» [6, л. 32]. В инфосводке № 19 с 24 по 31 мая 1925 г. говорилось

о том, что в с. Скворцовка Лобазинской волости Бузулукского уезда священник местной церкви Миронов в конце апреля во время молебна на дому у гр. Родионовой стал искать у ее сына крест на шею. Когда же Родионова попыталась противостоять этому, то Миронов в грубой форме заявил: «Я знаю, что делаю и имею на это право» [6, л. 43]. Далее в сводке сообщалось, что Миронов часто запугивал крестьян тем, что не будет причащать тех, кто будет воспитывать детей в советском духе. В итоге он был привлечен СГО ОГПУ к судебной ответственности.

Из-за дефицита семейного бюджета крестьяне не могли заплатить священникам нужную сумму за проведение обрядов. Поэтому многие священнослужители вместо денег брали то, что они хотели. Крестьяне вынуждены были соглашаться с их требованиями. Так, в с. Старая Тепловка Сухореченской волости Бузулукского уезда местный поп Голубев за запись в поминание умершего предложил гр. Исламовой за отсутствием денег у последней, состричь ее волосы и принести ему. Исламова согласилась это сделать (Инфосводка № 6 с 7 по 22 февраля 1925 г.) [6, л. 45].

Анализ информационных сводок позволяет выявить влияние духовенства на население в период кризисных явлений. В неурожайный 1924 г. «темные личности среди таковых сеют разнообразные слухи религиозного толка» [6, л. 88]. Так, в информационной сводке № 18 с 10 по 17 июня 1924 г. крестьяне в период засухи стали проводить обряд призыва дождя: «Духовенство, пользуясь отсутствием дождя, – сообщалось в сводке, – играет на религиозной струнке темного крестьянства, упрекая в этом безбожников коммунистов. В целом ряде деревень проводятся молебны, дабы Бог дал дождя. В этих компаниях принимают участие старики и старухи, молодежь относится отрицательно. В некоторых деревнях власти запрещали молебствовать, но по партийной линии дано распоряжение не притеснять их в этом отношении» [6, л. 66]. В с. Красовка Марьевской волости верующие крестьяне молились за хороший урожай: «Мы стоим перед голодом как в 1921 году, одна надежда на Бога, мы все в его руках; позабыли Бога, послушались дурных людей и попали в соблазн не соблюдать законов...» (Инфосводка № 22 с 13 по 21 июля 1924 г.) [6, л. 87]. Всплеск настроений у крестьян произошел из-за дефицита сахара в Мелекесском уезде. Сразу же среди населения стали распространяться слухи о том, что скоро прекратится торговля всеми ходовыми товарами по причине промышленного кризиса. Сотрудники ОГПУ возлагали ответственность за распространение слухов на попов и церковных старост. Особенно ярко этот процесс шел в с. Сосновое Ставропольской волости с подачи священника Дмитриева (Инфосводка № 30 с 21 по 28 сентября 1924 г.) [6, л. 118].

В то же время имела место тенденция к росту атеистических настроений в крестьянской среде. Изменения религиозного настроения были связаны с попытками населения «отмолить» дождливую погоду и пережить засуху. Так, в конце мая 1926 г. в Тростянской волости Самарского уезда не было дождей. И у крестьян возникли опасения за урожай. По инициативе некоторых стариков крестьянами были организованы крестьянские ходы. Через 2 дня пошли проливные дожди, да к тому же почти каждый день. Крестьяне, видя это, возмущенно стали роптать, что «...мол молили Бога, чтобы он дал дождя, а он рад стараться и льет, видно придется снова идти отмаливать, чтобы прекратил, а то, пожалуй, переборщит, плохо будет...» [8, л. 98]. Составители сводки информировали о снижении уровня религиозности среди населения данного уезда. По их мнению, это свидетельствовало о том, что при «неудачном» прошествии события, отмаливаемого у Бога, общество могло отвернуться от веры, так же, как и от священника, уличенного в открытой лжи (Инфосводка № 27 с 28 июля по 6 августа 1926 г.) [8, л. 98].

Значительный интерес представляет блок информационных сводок, в которых фиксируется историческая информация о распространении смуты и паники среди верующих граждан. Так, в г. Пугачеве в период 13–21 июля 1924 г. (инфосводка № 22) архиерей Павел под видом чисто семейных и узко-церковных дел выезжал по селам и в сельских церквях во время проповеди умышленно сеял среди населения панику [6, л. 87]. В сводках приводились случаи, когда священники говорили о скором «конце света» или о «плохой весте или событии». В другой инфосводке № 21 с 8 по 16 июня 1925 г. описывался случай, когда 3 июня среди населения в с. Ибряйкино Средне-Аверкинской волости Бугурусланского уезда распространились слухи о том, что 6 июня с. Ибряйкино должно провалиться сквозь землю. Сведения об этом грядущем катаклизме вызвали панику среди стариков и старух. Но это предсказание не сбылось. И тогда все успокоились, а слухи прекратились [9, л. 59]. Та же сводка сообщала о распространении слухов накануне праздника Троицы. В Таллинском монастыре Бузулукского уезда перед празднованием Троицы разнесся слух, что «якобы Богом, вблизи монастыря была брошена записка с предупреждением, что в субботу под первый день Троицы пойдет каменный и огненный дождь, который пойдет и пожжет людей, неугодных богу». Об этом чуде сообщали крестьянам монашки данного монастыря, которые поехали по селам. Одна из них побывала в поселках Осиновском, Бренчаниновке и в с. Воздвиженка, где собирала женщин и стариков и передавала им сведения об этом письме. Религиозное население было встревожено, люди начали топить бани, мыться и надевать чистое белье,

а некоторые даже прекратили всякую работу. Принятые сотрудниками ОГПУ к задержанию меры оказались тщетными, монашки сумели скрыться [9, л. 59].

С известиями о предстоящих «бедах» общал крестьянам с. Наумовка Пригородской волости священник Соловьев. После богослужения 31 июня он произнес с амвона проповедь, в которой заявил: «Вы, христиане, под Троицу вымойтесь, иначе на праздник у нас в селе, или же в селе Троицкое, что-нибудь случится» [9, л. 59]. Это сообщение Соловьева посеяло панические настроения среди верующих, и они «стали готовить себя к смерти: мылись в бане и одевали чистое белье. В праздник Троицы в селе как раз была гроза, и попу после этого стали верить еще больше». Соловьев, по сообщениям сводки, имел большое влияние на детей и родителей, запрещал родителям пускать их в школу, петь частушки из журнала «Безбожник». Накануне Троицы священник Средне-Аверкинской волости Бугурусланского уезда Рябов Василий распространял среди верующих граждан слухи о предстоящем накануне Троицы светопреставлении. Это предсказание и разразившаяся в этот день гроза перепугали крестьян. Они стали собираться у родственников и молиться богу, чтобы он предотвратил беду. «Сам Рябов тоже сделал вид, что молится богу и советовал крестьянам, также усиленно молиться» [9, л. 91].

Аналогичные формы и методы использовались муллами среди мусульманского населения. Так, в Инфосводке № 25 с 15 по 31 июля 1925 г. говорилось о действиях муллы Валиахметова Шагира в с. Борское Мелекесского уезда. Он 1 июля 1925 г. во время празднования «Курбан-Гаида», читая верующим книгу «Хут-балык», стал запугивать собравшихся: «...Настала пора, нами царствует враждебная кампания, признак конца мира...» [9, л. 90]. При чтении муллой этих слов среди присутствующих, особенно среди женщин, раздавался плач.

В информационных сводках содержатся описания совершенно невероятных событий, по слухам произошедших в различных областях губернии. Например, в с. Чекалинка Бугурусланского уезда демобилизованный красноармеец будто заставил свою жену истопить баню иконами за неимением дров, после чего стал париться, и к этой чудодейственной бане якобы никто не мог подойти [6, л. 118]. А в Мелекесском уезде одна коммунистка «прилипла к стулу». (Инфосводка № 22 с 13–21 июля 1924 г.) [6, л. 118].

Таким образом, в условиях проведения советской властью антирелигиозной политики представители религиозных организаций Самарской губернии стремились использовать традиционные

формы воздействия на прихожан. В их проповедях содержалась как критика советской власти, так и призыв сохранять традиционное мировоззрение. В формировании антиправительственных настроений принимали участие и священнослужители, и представители различных слоев населения. Несмотря на все меры по дискредитации большого количества священнослужителей, оставшиеся при своих должностях духовные наставники самых разных вероисповеданий продолжали оказывать сопротивление антирелигиозной политике советской власти, используя традиционные повседневные практики. Кроме того, они применяли формы, и методы давления на сознание крестьян, придавали своим проповедям эмоциональную окраску. В этой связи духовные наставники учитывали особое отношение крестьян ко всему скрытому, необъяснимому и невероятному, как например, мгновенное восприятие ими различных слухов. Эмоции вызывали у крестьян и прогнозы священников о грядущих катаклизмах и чудесах. Сохранению традиционного мировоззрения способствовали и проповеди, носившие нравоучительный характер, в которые органично включалась критика советской власти. Данный процесс шел параллельно с усилением идеологического контроля и во многом препятствовал быстрой организации советского атеистического общества.

Список литературы

1. Одинцов М. И. Государство и церковь. 1917–1938 гг. М. : Знание, 1991. 63 с.
2. Фирсов С. Л. Власть и огонь: Церковь и советское государство: 1918 – начало 1940-х гг.: очерки истории. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2014. 474 с.
3. Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / пер. с англ. О. Б. Леонтьевой, науч. ред. М. Ю. Смирнов. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 552 с.
4. «Ислам, имеющий мирную и добрую сущность»: курс о традиционном исламе в среде тюрок-мусульман европейской части России и Крыма / под ред. Р. И. Беккина. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 280 с.
5. XII съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Резолюция от 25 апреля 1923 г. «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды» // Известия ЦК РКП (б). М., 1923. № 6. С. 61–63.
6. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1 (Самарский губернский комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков, г. Самара). Оп. 1. Д. 1389.
7. ГБУСО СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1708.
8. ГБУСО СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2062.
9. ГБУСО СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1707.

Поступила в редакцию 27.04.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 27.04.2022; approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 30.06.2022